

Алиса Евстигнеева

Параллельные

УДК 82-3
ББК 84-4
Е26

Евстигнеева А.

Е26 Параллельные / Алиса Евстигнеева. – М.: Литнет, 2026. – 422 с.

ISBN 978-5-524-00255-6

Мои пальцы нервно дрожали, перелистывая тонкие листы медицинской карты ребёнка. В конце папки лежали вложенные ксерокопии документов – медицинский полис, свидетельство о рождении...

Взгляд в очередной раз пробежался по графе отец. Нечаев Илья Николаевич. Сердце болезненно сжалось, а в голове крутилось лишь одно: «Пожалуйста, пусть это будет совпадение!»

Но последними в стопке копий оказались паспорта родителей. С фотографий которых на меня смотрели мой муж и его бывшая помощница.

Папка вылетела из моих рук, усеяв пол веером бумаг. Я же продолжала стоять на месте и смотрела немигающим взглядом в пустоту.

Наверное, чисто теоретически, мой муж мог иметь пятилетнего сына. Если бы не одна небольшая загвоздка: мы были женаты много лет и ни о чём таком я не догадывалась.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00255-6

© Литнет, 2026

© Евстигнеева А., 2026

Пролог

Я стояла, прижавшись спиной к стене, и пристально рассматривала маленького мальчика, практически полностью скрытого одеялом. На поверхности была видна лишь тёмная курчавая макушка и оттопыренное ухо. Смотрела я пристально, словно боялась, что стоит хоть раз моргнуть, как ребёнок растворится в воздухе, оставив вместо себя лишь одеяло весёленькой расцветки.

Здравый смысл был в корне со мной не согласен. Он буквально орал и бесновался, выбивая чечётку где-то в области висков с требованием уходить. В принципе я была с ним согласна, вот только высшая форма мазохизма, проснувшегося во мне не так давно, заставляла оставаться на месте и смотреть. Что было очень непросто.

Кружилась голова. Тошнило. А ещё грудная клетка, которая горела адским огнём, отзывалась тупой болью на каждый мой вдох-выдох. Но я будто бы этого не замечала. Даже плакать не хотелось. Ни слёз, ни сожаления, ни горечи. Вообще ничего. Лишь всепоглощающая усталость и пресловутая чечётка в висках, всё больше напоминающая набат.

Дверь в палату отворилась едва слышно, на мгновение разрезав царивший полумрак полоской света. Костя покрутил головой по сторонам, наивно полагая, что картина за последние десять минут могла измениться, но обнаружив меня на прежнем месте у стены, он тяжело вздохнул.

– Тебе нужно прилечь, – завёл Козырев свою шарманку. Собственно, на этом мы и остановились пять минут назад, когда врач попросил его выйти в коридор.

– Зачем? – поинтересовалась бесцветным голосом.

Он впился в меня осуждающим взглядом, что ощущалось даже на расстоянии в полумраке, но я не прониклась.

– Нина, – с металлическими нотками в голосе предупредил Костя, – с ума не сходи. Тебе нужно лечь... и дать врачу осмотреть тебя.

– Зачем? – повторила меланхолично, пояснив на автомате: – Я и так всё знаю. Сотрясение мозга и трещина в рёбрах. Возможно, перелом. Но это не точно.

Козырев не стерпел и от души выругался:

– И ты так спокойно об этом говоришь?!

Впервые за всё время нашего разговора я неспешно повернула голову к нему, усилием воли оторвав взгляд от мальчика.

– А как я должна реагировать?

Костя замер на какое-то мгновение, явно не зная, что сказать, после чего рванул ко мне и, схватив за руку, сжал мою ладонь.

– Нин, ну пожалуйста, – почти взмолился друг юности. – Как ты не поймёшь, это ещё не конец света.

– Да?! – искренне удивилась я, отталкивающим движением высвобождая руку. Чужие прикосновения не вызывали ничего иного, кроме неприятия. – А что, по-твоему, конец?

Ответить он так и не успел – дверь в палату в очередной раз распахнулась, на этот раз резко и нервно. Первой в дверной проём ворвалась женщина, стрелой подлетевшая к больничной койке, на которой спал её сын. Правда, в самый последний момент она остановилась и удержала себя, чтобы не рухнуть на спящего ребёнка и не напугать его. Я оценила. Толика благоразумия в мамских истериках – редкость. Карина нависла над сыном и жалобно всхлипнула, тут же, испугавшись своей несдержанности, зажала рот рукой, но было поздно. Егор, скрытый под нелепым одеялом с машинками, завошкался. И вовремя, ибо следом в дверном проёме показались ещё два человека – принявший нас врач и господин Нечаев Илья Николаевич, бывший по совместительству моим мужем.

– Мальчик мой, – запричитала Карина, обнимая сонного ребёнка. Егор выбрался из-под одеяла и растерянно хлопал глазами, слабо понимая, что происходит.

– Он в полном порядке, – заверил врач, – так, пара царапин.

– И это вы называете в порядке?! – зло пророкотал Нечаев. Впрочем, его гнев вряд ли был направлен непосредственно на врача, но эмоции, переполнявшие Илью, требовали найти виновного. Страшно представить, что он сделает с работниками садика.

Оставив на время несчастного эскулапа, мой супруг широким шагом направился к ребёнку, который уже что-то во всю лепетал, делясь с матерью событиями сегодняшнего дня. Но прервался, увидев отца, позволил тому обнять себя, после чего с немалым упое-нием продолжил:

– Она сказала, что мы пойдём смотреть щенков, – тараторил Нечаев-младший. – А потом появился тот дядька... И я... я совсем не испугался, пап, честно-честно...

– Знаю, – заверил его Илья и погладил сына по голове. – Ты же у меня самый смелый.

В его голосе слышалось столько неподдельной нежности, что... Что мне даже почудилось, я сейчас попросту умру от боли, кото-рая чёрной бездной разверзлась в моей груди, словно в неё опять влетел центнер металла. Хотя нет, с металлом было не так больно.

Мы с Костей стояли на своих местах, замерев и, кажется, да-же не дыша, и наблюдали за этой семейной идиллией. Не знаю, сколько мы оставались бы незамеченными, но врач, всё это время стоявший без дела, щёлкнул по выключателю. Невыносимо яркий свет (или же это у меня было нарушено восприятие) резко ударил по глазам, из-за чего в голове потемнело, а чечётка в висках превра-тилась в танцы народов мира, которые нестройными рядами отпля-сывали внутри моей черепной коробки. Я едва не сползла по стене вниз, попыталась ухватиться за Костю, но промахнулась, случайно уронив что-то тяжелое на пол.

Жестяной шум всё ещё стоял у меня в ушах, когда к нему доба-вилось испуганное:

– Нина...?

Козырев таки успел подхватить меня, но голос принадлежал не ему, а Илье. Я с силой зажмурилась, после чего с трудом заставила себя разлепить веки и уставиться в перекошенное лицо мужа. Оно было... странное. Так много эмоций, и ни одна из них не поддавалась моему пониманию.

Зато Карина молодец, среагировала почти мгновенно, разъярённой тигрицей метнувшись ко мне.

– Ах ты, ведьма! – завизжала она.

Костя попытался преградить ей путь, но куда уж ему... Перед материнским гневом все были бессильны.

Каринкины пальцы вцепились мне в волосы и силой потащили куда-то в бок. Из глаз посыпались искры. Моё сотрясение ликovalo: все танцоры покинули свои места, чтобы устроить одну сплошную вакханалию.

– Как ты посмела приблизиться к моему сыну?! – орала она, таская меня за гриву, – ты же сумасшедшая... тебя к детям подпускать нельзя!

Вот в этом месте стало обидно. И даже не столько за диагноз «сумасшедшая», сколько за то, что Нечаев ей всё рассказал.

Перед глазами плыло и полыхало, наверное, всё же от боли, но я бы не удивилась, если бы от едкого чувства предательства.

– Мама! – запищал Егор.

– Карина,пусти её! – велели мужские голоса. Меня в очередной раз куда-то потащили, кажется, это Костя подхватил моё бременное тело, но не рассчитал силу и надавил в область грудной клетки. И это вдруг всё решило. Боль была столь резкой, что на какие-то мгновения я потеряла связь с реальностью.

Вспышка. Ещё. И ещё.

Вокруг меня кто-то кричал, мир шатался, рушился и трещал. Мой несчастный организм не смог найти лучшего времени, чтобы подвести окончательно. Затошнило. Ощущение было такое, что все внутренние органы совместно с танцорами из головы попросились наружу.

Но труднее всего мне давалось дыхание.

– Такое бывает, – еле ворочая языком, пояснила я неведомо кому. – Это типично...

Типично для чего, я так и не договорила.

– Нина, тебе плохо? – в конце концов мне удалось опознать Нечаева, который стоял совсем близко. – Что вы там стоите?! – рявкнул он, раздавая указания кому-то. – Сделайте что-нибудь!

Я опиралась локтями на чьи-то ладони и каким-то чудом оставалась стоять на ногах, хотя это было скорее номинально. В груди накатывали приступы кашля и мне никак не удавалось сделать вдох. Получалось лишь хрипеть и жадно хватать воздух ртом. Еле подняв голову и продрав глаза, я уставилась в серое лицо мужа. Если честно, то впервые видела его таким... испуганным.

– Нина, Нина, слышишь меня?! – как заведённый повторял Илья, удерживая меня в вертикальном положении.

Попыталась кивнуть головой в надежде, что он замолчит, но вместо этого уткнулась лбом в мужское плечо и уставилась на его натёртые до блеска туфли. Это был его маленький фетиш – чистая обувь.

– Пусти... меня, – потребовала, заходясь в очередном приступе кашля, я буквально согнулась пополам и точно бы рухнула на пол, если бы не руки Ильи. Рот наполнился вкусом чего-то металлического, и я выплюнула всё содержимое нам под ноги. К моему слабому удивлению, на туфли полетела отнюдь не мокрота, а сгусток крови. Кровавые капли растекались по обуви супруга. Получилось неожиданно красиво.

Я даже хищно улыбнулась, довольная своей догадкой про сломанное ребро. И пусть я была сумасшедшей, но зато диагност – хороший.

В этот момент шум вокруг достиг таких децибелов, что моё сознание не придумало ничего лучше, чем отключиться. Впрочем, ненадолго. Очнулась я уже на каталке, когда меня едва ли не бегом везли по большому белому коридору.

– Спасите её, – требовал Илья где-то вне поля моего зрения, следуя за каталкой. – Пожалуйста! С ней не должно ничего случиться!

Смешно. Умоляющий Нечаев – это что-то новое. А где же угрозы и требования?!

Я даже нашла в себе силы засмеяться. А что? Я же сумасшедшая. Мне можно.

Каталка замерла на месте, и над моей головой возникли неясные лица.

– Нина Евгеньевна, вы меня слышите?

– М-м-м-м, – промычала что-то нечленораздельное.

– Хорошо. Мы везём вас в операционную, у вас внутреннее кровотечение, судя по всему, гемоторакс. Необходимо срочное оперативное вмешательство.

– Нет, – выдавила из себя я.

– Что значит «нет»?! – возмутился муж. – Нина, всё будет хорошо... Если бы он только знал, как я ненавидела эту фразу.

– Нет, – мотнула головой, еле выталкивая из себя слова. – Я... не даю... согласия...

– Я всё объясню.

Оскалилась кровавой улыбкой и вполне чётко сообщила в пустоту:

– Иди ты на хер...

После чего блаженная темнота всё же завладела мной, унося куда-то на дно мироздания.

Часть 1 Осколки прошлого

Глава 1

Месяцем ранее

Утро ворвалось в сознание неожиданно – звуком глухого удара о пол и тихим чертыханием под нос. Потом, правда, стало тихо, но я уже начала улыбаться. Силуэт забавно водящего рукой по паркету мужа мелькнул перед кроватью.

– Свет включи, – посоветовала, приподнимаясь на постели.

Ильи не было почти неделю. И пусть рабочие поездки у него случались едва ли не по несколько раз в месяц и воспринимались как нечто обыденное (за четырнадцать лет брака можно привыкнуть и не к такому), но в последнее время разлуки давались непросто. До этого скучать как-то не приходилось, но уход с любимой работы заметно поумерил мою самодостаточность, принесся острое чувство одиночества и неконтролируемое желание всё время быть поближе к мужу.

– Разбудил, – повинился Нечаев, но совету последовал, щёлкнув по кнопке прикроватной лампы. – Извини.

На что я лишь усмехнулась. Ранними пробуждениями меня было не удивить – это лишь в последние пару лет с ним стало возможно спать в одной комнате, а так телефон мужа трезвонил в любое время дня и ночи. К счастью, по мере развития бизнеса любимый всё же научился делегировать обязанности, и больше не приходилось подсказывать посреди ночи, потому что очередной криворукий идиот повернул какой-нибудь вентиль не туда.

Наконец-то наручные часы – источник разбудившего меня шума – были подняты, и Илья медленно обернулся и окинул меня взглядом с чертинкой.

– Привет, – хриловато шепнул он, сделав шаг навстречу. Я тоже всмотрелась в крепкую плечистую фигуру и досадливо заметила:

– Костюм свежий.

– С инвесторами через час встречаюсь.

– Но ты только приехал! – капризно расстроилась, после чего сама же поморщилась от своего тона – роль ранимого цветочка явно была не по мне, и муж об этом знал.

Нечаев задумчиво покивал головой, но до кровати всё же дошёл и даже запустил руку под одеяло, поймав мою лодыжку и успокаивающе погладив её большим пальцем.

– Пришлось задержаться... – просто констатировал он.

Обижаться было бессмысленно, впрочем, как и требовать повышенного внимания. В конце концов, я, как никто другой, видела, что муж делает всё возможное и невозможное, чтобы поддержать меня. И в том, что ненаглядная жена в моём лице вдруг оказалась на обочине жизни, была виновата исключительно я.

– Бывает, – согласилась, сделав над собой усилие.

Илья наградил меня долгим пристальным взглядом, словно пытаясь что-то прочесть на моём лице. Я же всеми силами старалась сохранять спокойствие, повторяя одно и то же: «Всё хорошо, у нас всё хорошо...».

Не знаю, подействовала ли на него моя мантра или же Нечаев просто решил быть верным самому себе, но уже в следующий момент он порывисто дёрнул меня за ногу. Слетела с подушки, оказавшись с головой под одеялом. Пришлось повозиться, прежде чем Илья откинул его в сторону. Сорочка задралась кверху, бесстыдно обнажив ноги. Их-то с интересом и рассматривал сейчас Илья Николаевич, явно наслаждаясь открывшейся картиной.

От его взгляда стало жарко. И я, поддавшись искушению, вытянула стопу свободной ноги и медленно, с легким нажимом, про-